

Анастасия Свеженцова,

ученица 10 класса 3-й школы

Заветная чаша

Тобайф искал счастье... и чаще всего он звал его, когда бродил вокруг своей усадьбы. Она находилась на окраине леса, выступая его каменным продолжением, по духу совершенно неотличимым от живого плетения ветвей. Здесь всегда было свежо и привольно.

К дверям вела мощеная дорожка, сулившая путникам освобождение от маятника будничной дороги. Друзья Тобайфа шли по ней напрямик к дому, сам же он смотрел, как бежит она в объятия леса, теряя по пути кирпичики, и незаметно переходит в тропинку, ведущую к маленьким радостям и большим чудесам.

Дом был открыт для гостей, но они, входя, запирали его. Тобайф тонул в разговорах и голосах, чувствовал, как ветви машут ему из окна, как их шум стучит в закрытую дверь. Поглощенный этими образами, он хотел бы ускользнуть в мягких бесшумных башмаках, таких удобных для прогулок среди душистых трав.

Однажды Тобайф забрел в уединенный лесной уголок, как нельзя более подходящий для размышлений о счастье. Он прислонился к дереву и погрузился в раздумье, тихое, как безветренный день.

Вдруг он услышал голос... Тобайф не испугался, он знал, что счастье может принимать разные формы, возможно, совсем не похожие на общепринятые представления о нем. Он доверчиво сел на траву и стал слушать:

– Гляди, Тобайф, драгоценные камни – это души людей, вода – их жизнь, а чаши – то, как они украшают ее. Ты найдешь счастье, когда поймешь, что именно оно значит для двоих...

Легко распахнулись ветви, и Тобайф увидел чашу из прозрачного минерала, в которой был камень, почти незаметный в воде.

Обернувшись, в дышащем солнечном свете он заметил еще несколько чаш, наполненных водой...

Женщины сажали в сердце Тобайфа сады правильными рядами. Когда же сад разрастался, и деревья, единожды подстриженные, теряли искусственную форму, Тобайф запускал в него певчих птиц. Их щебет отвлекал трудолюбивых садовниц. Утомленные, они покидали Тобайфа. Широкий сад оставался в одиночестве и запустении, пока следующая садовница не вырывала последние ростки, снова засаживая сад тщательно отобранными растениями. И все же он, Тобайф, искал и искал счастье...

В первой, мраморной чаше из мутно-белой воды поднимался лунный камень. Тобайф вспомнил первую любовь...

В роскошных нарядах она высекала в саду статуи, не жалея ни резцов, ни деревьев. Но не смогла искусница вдохнуть жизнь в скульптуры, не украсили они собою сад.

Следующая чаша была составлена из жемчужин, скрепленных кусочками кораллов. В ней лежал розовый топаз. Сколы во многих местах показывали, что чашу часто трясли, и камень ударялся о кораллы.

Хрупкая прелестная девушка, желая переустроить сад Тобайфа, принялась прятать прошлое своего спутника. Статуи были разбиты, между их обломками она посадила экзотические цветы, но не прижившаяся красота, опрокидывающая своей силой воспоминания, превратилась в яд...

Ограненный в виде чаши малахит и едва заметный аквамарин на дне...

Она была в его обожженном саду и ушла, оставив несколько нераспустившихся бутонов. Недоверие не дало ей возможности любоваться пышными цветками, нужные слова не прозвучали, не откликнулся на них сад.

Напоминающая женский силуэт агатовая чаша помимо воли Тобайфа привлекла его внимание. Рубин в виде слезы...

Она хотела быть близкой и родной, но единственной. Она не принесла с собой черенки и семена, а стала солнцем, милостиво даруя саду возможность расти самому. Невыносимо яркое, ее солнце яростно противилось снежному ветру и ночной прохладе, всему, что отвергало ее саму. Она ждала,

но доверие расплавилось, а золу унес ветер. Сад был усыпан только угольками...

Печаль склонила голову Тобайфа. Его взор искал знакомые деревья. Тобайф решил забрать свою чашу и выйти на тропинку. Оглядываясь, он заметил киаф с тонкой ручкой, накрытый древесным листом. Подойдя ближе, Тобайф увидел, что прожилки листа образуют буквы, складывающиеся в имя: Эрми-Дорами. Вяз письмен светилась синим светом, идущим из чаши.

Сапфир, камень высокого неба... Звезда на нем напоминала стаю птиц, находящих путь сквозь тусклую пелену, накинутую на опаловый сосуд. Тобайф наклонился к чаше и внезапно почувствовал, что волны света были сухими. Воды в чаше не было...

Эрми-Дорами влетела в его сад легко и незаметно. С ней был всего один черенок, но взятый из сердца ее самой. Осторожно ступала она по опустошенной земле, держа в руке чашу, из которой нескончаемым ручейком лилась ее жизнь – переплетение нежности, верности и любви. Побег приживался, не боясь кивать ветвями в такт ветерку, скромно заглядывающему в сад. Но цветы, ответные цветы, появились на нем только сейчас...

Тобайф схватил свою чашу и, сдерживаясь, чтобы не выплеснуть всю воду разом, наполнил киаф до краев. Затем он погладил его изогнутую ручку, которую почти не выпускала из рук Эрми-Дорами.

Все ярче синий свет. Тобайф различил в нем женскую фигуру и протянул ей свою пустую чашу. Сквозь дрожащие ресницы он узнал нежную улыбку Эрми-Дорами. Выронив чашу, он упал на траву.

Тобайфа пробудили к жизни маленькие дождевики. Эрми-Дорами шла, держа его хрустальную чашу, в которой плескалась вода. Тобайф принял ее как дар.

– Твой алмаз превратился в бриллиант, а вода вернулась внезапной каплей с зеленого листа, – произнесла Эрми-Дорами.

– Пусть эта крона всегда будет защитницей нашего счастья, – сказал Тобайф, и ему показалось, что в лесном шелесте он слышит голос их друга...

* * *

Уже не помнит снега талая вода,
На дне ее осадок от молвы.
Теперь, похитивши у осени ветра,
Она срывает блестки у зимы.

Скажи, зачем ты оттепель избрала?
Вот-вот проснется вешняя волна.
Порой часами мы неслышно мчались,
Секунды нам оставила она.

Подаренную шапочку сняла ты скоро,
Водоворот увидеть, все забыть...
Вуаль скрывала от колючего надзора
И позволяла шепотом любить.

* * *

Белый вальс стихает, ночь уже бледнеет,
Призрачные ноты покидают зал.
Окна распахнутся, ветерок повеет,
На платье дорогое я наброшу шаль.

Свечи встрепенутся и погаснут разом,
Снова в анфиладах полумрак вздохнет.
Качнется в паутине, ловя начало фразы,
Он о недосказанном разговор начнет.

Огоньки признаний робко к нему жмутся.
В замке одиноко, уходим мы с тобой,
Стразы фейерверка мимо люстры льются
И кругом вальсируют позднею листвою.

* * *

Толкуй, безумный мой гадатель...
Когда немые снятся сны,

Простой встречается мечтатель
И говорит: «Целитель – ты».

Наденешь шляпу звездочета,
Что я достану из ларца.
На ней видениям нет счета...
И ты похож на мудреца.

И станешь мне проводником,
Твой голос я услышу...
Ты пробуди мой смутный сон
И оживи цветные вишни.

Оттенки, блики в перезвоне,
Мой чудеса зовет аккорд,
Сверкнув на ягоде-флаконе, –
Любовью вспыхнул алый сок.

* * *

Случайный порыв в неслучайной судьбе,
Изменится адрес, не внявши мольбе.
Не раз замирал на пороге пустом,
Меня никогда не впускает твой дом.

С каждой эпохой ступеньки все выше,
Мой голос доносится тише и тише...
На нашем с тобой говорю языке,
Хотя и не знаю, родной ль он тебе.

Я не меняю с обличьями душу,
Я клятвою связан, ее не нарушу.
Нас снова разлучат ширмы и шелк,
С тобой моя честь, а со мною мой долг.